

Павел Буланже

Толстой и Чертков

Павел Александрович Буланже Толстой и Чертков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18559069

Аннотация

«– «Непорядочный» друг, оказавший «неумное» влияние – так определил В. Г. Черткова Л. Л. Толстой. А сам Лев Николаевич 1 мая 1910 года, когда я провожал его в Кочеты, к Т. Л. Сухотиной, сказал мне о Черткове: – Бог дал мне высшее счастье, – он дал мне такого друга, как Чертков...»

Павел Буланже Толстой и Чертков

I.

– «Непорядочный» друг, оказавший «неумное» влияние – так определил В. Г. Черткова Л. Л. Толстой.

А сам Лев Николаевич 1 мая 1910 года, когда я провожал его в Кочеты, к Т. Л. Сухотиной, сказал мне о Черткове:

– Бог дал мне высшее счастье, – он дал мне такого друга, как Чертков.

И вот об этой-то трогательной, удивительной дружбе Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, – дружбе, продолжавшейся около 27 лет, мне и хотелось бы рассказать русскому обществу.

Последний год моей жизни я прожил вблизи Ясной Поляны, имея возможность наблюдать отношения Л. Н. Толстого к Черткову, очень часто лично слышал отзывы Л. Н. о Черткове, и, к счастью, мне удалось воспользоваться такими «документами», которые, и помимо общих, ясных для всех соображений, с ясностью покажут весь вздор и недостойность пущенных в печать обвинений против Черткова.

II.

В. Г. Чертков родился в аристократической, богатой семье и, получив домашнее воспитание, поступил на военную службу в конно-гвардейский полк.

Служба эта проходила, как вообще она проходит у золотой молодежи.

«Всем трем классическим порокам – вину, картам и женщинам – я предавался без удержу, живя, как в чаду, с редкими промежутками душевного отрезвления. В эти периоды внутреннего просветления я чувствовал отвращение к своему беспутному поведению и мучительно тяготился своим положением. Ища из него выхода, я напряженно задавался основными вопросами жизни и религии»¹. Русло, по которому потекли эти напряженные искания смысла жизни, нашло себе ход в Евангелии. Надо заметить, что мать и родственники В. Г. Черткова были люди религиозные, увлекавшиеся в то время учениями Редстока и Пашкова, но молодой Чертков не удовлетворялся этими учениями, а искал более рационального понимания Евангелия и был в этих исканиях совершенно одинок.

Во время своих дежурств в военных госпиталях молодой гвардейский офицер, после бессонных ночей, проведенных

---

¹ Страничка из воспоминаний, В. Черткова. «Вестник Европы» 1909 г. Ноябрь.

в кутежах, очутившись в строгой обстановке, среди больных и умирающих, отдавался чтению Евангелия. Свои досуги на дежурстве посвящал тому, что читал Евангелие тяжело больным и всегда при этом чувствовал, как между ним, полным жизни, молодым, жизнерадостным человеком и несчастным, иногда умирающим, возникала живая, трогательная связь, которой не было у него в кругу его обычных товарищей и друзей.

Характерная черта, отличавшая Черткова еще в ранней молодости, заключается в необыкновенной искренности, прямоте и последовательности. Здоровый, сильный, богато одаренный, с перспективами на блестящую карьеру, он ни на минуту не задумывался над тем, чтобы пожертвовать всей своей будущностью ради исполнения долга, как это диктовала ему совесть. И первое испытание в этом отношении ему пришлось перенести, когда ему было всего 22 года, во время своего дежурства в военном госпитале. Случайно он увидел, в каких тяжелых, мучительных условиях держали там «политического» чахоточного Подлевского. Не останавливаясь ни перед чем, не поддаваясь увещаниям и угрозам, он заступился за страдавшего.

Чтение Евангелия и напряженное искание «истинной жизни» привели молодого гвардейца к убеждению в несовместимости военной службы с исповеданием христианства, к которому он тянулся всей своей душой, и молодой Чертков решил выйти в отставку. Родители были, естественно,

очень огорчены тем, что сын губит себя таким поступком, и отцу удалось уговорить сына не приводить пока, в исполнение своего намерения, а уехать в Англию в 11-месячный отпуск. Вернувшись из отпуска, В. Г. Чертков «протянул», по желанию отца, еще год на службе в конной гвардии, но после 1 марта 1881 г. бросил службу и уехал в имение отца, в Воронежскую губернию.

Ехал он в деревню с определенным настроением: сблизиться с «кормящим обеспеченные классы населением» и заняться той деятельностью, которая была бы в интересах этого населения. В деревне он принимает живейшее участие в земстве, строит школы, больницы, создает потребительские лавки, ссудо-сберегательные товарищества для крестьян и т. п. и с головой уходит в интересы простого народа.

Эта внешняя деятельность не мешала совершаться той внутренней работе, которая все больше и больше занимала Черткова. Главный вопрос, который мучил его, это – то значение, которое должно иметь в нашей жизни христианское учение и, в частности, как одно из главных следствий этого, отношение к военной службе христианина и вытекающие из этого отношения последствия. Чертков был почти одинок в этой своей душевной работе, если не считать художника Крамского и морского офицера П. И. Бирюкова, которые отчасти поддерживали его в этом периоде искания.

Изредка Чертков наезжал из деревни в Петербург к родителям, и вот во время этих наездов он не раз слышал, что из-

вестный романист Л. Н. Толстой тоже мучится душевными сомнениями и религиозными вопросами в том же направлении. Эти слухи побудили Черткова лично познакомиться с Л. Н. Толстым, что он и сделал в конце 1883 года, проездом через Москву. Первый вопрос, который задал Чертков Л. Н. чу, был вопрос о христианстве и военной службе. Это был теперь пробный камень при общении Черткова с людьми. Вместо ответа на вопрос, Л. Н. стал читать из рукописи, которую он только что кончил перед тем. Рукопись эта была: «В чем моя вера».

Чертков радостно слушал чтение, поняв, что, наконец-то, он не один в своих душевных исканиях и сомнениях.

Если был взволнован и счастлив Чертков, то был рад и Л. Н. Толстой, найдя в Черткове почти первого единомышленника, строго и серьезно относившегося к жизни, твердого и сильного человека, готового идти на все, лишь бы двигаться вперед, в направлении «истинной жизни». И между обоими сразу же установилась тесная духовная связь, которая только росла, и крепла с течением времени.

Ш.

Насколько Льву Николаевичу был ценен и полезен его новый друг Чертков, и какую он находил в нем поддержку и утешение, – вскоре же показали события. Л. Н. все время искал случая, как отслужить огромному русскому трудо-

вому народу за ту долголетнюю его службу «по прокормлению и поддержанию нетрудящегося класса людей», к которому причислял он и себя. Л. Н. был удивительный художник, но и этот его дар был доступен только избранным, только сливкам общества, не доходя до трудовых масс. Чертков, живя в деревне, тоже отлично видел, что приобретения нашей культуры, науки, искусства не доходят в глубь деревни, а остаются где-то далеко от нее. Народ жаждет книги, народ тратит деньги на книгу и на картину, но покупает специально создаваемую для него «лубочную» литературу, нисколько не отвечающую тем запросам, которые он к ней предъявляет. Наша интеллигенция прекрасно это сознавала, но сделать почти ничего не могла.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков принимаются за дело создания народной литературы и за то, чтобы литература эта доходила до народа. Л. Н. пишет ряд своих удивительных народных рассказов: «Чем люди живы», «Где любовь, там и Бог», «Свечка» и т. д., а Чертков организует издательское дело. Он приглашает сотрудников, пересматривает изданные уже книжки, отмечая те, которые считает желательными распространить в народе, деятельно списывается с известными писателями и художниками, поддерживает и ободряет начинающих писать, в особенности вышедших из народа, наконец, очень удачно сходится с одним издателем и чрезвычайно умелым организатором распространения народных книг и народной литературы в широких слоях народа, – и через

год-два в России совершился тот переворот, о котором только мечтали лучшие люди: хорошая книга и картина пошли в народ и достигли его.

Здесь не место подробно распространяться о значении того, что сделал В. Г. Чертков в деле народной литературы; достаточно указать на то, что *теперь в России есть народная литература*, что народ наш знает своих великих писателей и художников. Теперь существуют десятки издательств, делающих это дело. Но любопытно отметить одно: как коротка память у представителей нашей интеллигенции. В прошлом году исполнилось 25 лет со времени основания Чертковым «Посредника», – той издательской фирмы, которая впервые ввела в народ много миллионов хороших дешевых книг и картин. В прошлом же году был съезд писателей в Петербурге, и, насколько мне помнится, писатели не вспомнили на своем съезде Черткова, первого человека, доставившего русским писателям возможность быть доступными для своего народа. Правда, Чертков скромно скрылся за ширмой «Посредника», но всему интеллигентному обществу хорошо известно, что он создал и провел это огромной исторической важности дело.

За этой издательской работой Чертков особенно сблизился с двумя писателями: В. М. Гаршиным и А. И. Эртелем, с которыми он был связан сердечной дружбой до самой их смерти.

Но, разумеется, деятельность по издательству, главным

образом, была все-таки деятельностью внешней, требовавшей много труда и отвлекавшей от сложной духовной работы, которая, не переставая, совершала свое дело в душе. Вопросы религиозные, которыми был занят Л. Н. Толстой, привлекали к нему все больше и больше внимания, и Л. Н., получая письма, принимая лиц, сочувственно и единомышленно относившихся к этой его новой деятельности, радовался тому, что таких людей становится все больше и больше, и увлекал в общение с этими новыми людьми своего друга В. Г. Черткова. Помимо личных свиданий, между ними установилась постоянная переписка. Лев Николаевич делился с Чертковым своими планами, присылал ему на предварительное прочтение свои писания, требуя от него критики, советов. И Чертков искренно и строго высказывал свои суждения, веря, что дело, делаемое Л. Н. Толстым, – дело Божие, дело общее, в которое надо вкладывать всю душу, чтобы оно лучше отвечало своему назначению.

Может показаться странным, что Л. Н. искал критики у Черткова и всегда внимательно и с благодарностью ее принимал. Но все те, кто сходил с Л. Н., очень хорошо знают, как строго относился Л. Н. к своим произведениям, как дорого он ценил добросовестную критику людей. Но обыкновенно или эта критика исходила от тех людей, которым были совершенно чужды основы жизнепонимания Л. Н., или же перед Л. Н. находились люди, столь благоговейно относившиеся к нему, что не решались критиковать. И в этом духов-

ном одиночестве Л. Н. находил поддержку у своего друга – В. Г. Черткова.

К этому времени относится и знакомство Черткова с сектантами. Чертков входит с ними в близкое общение, собирает материалы об их жизни и готовить большую книгу для того, чтобы осветить жизнь сектантов, предъявить эту книгу правительству и обществу и добиться облегчения участи сектантов, как это было сделано им несколько позже по другому случаю. Но, к несчастью, этому не суждено было сбыться, так как во время произведенного у него обыска все материалы были отобраны.

Вслед за этим начинаются отказы от воинской повинности по религиозным побуждениям. Эти отказы заставляют Черткова заняться помощью и облегчением участи молодых людей, которым предстояли тяжелые испытания за их отказ. Благодаря своим связям, ему удавалось видаться с этими лицами в дисциплинарных батальонах, тюрьмах, он передавал им письма, ободрял их, утешал, собирал всевозможные данные о жизни этих людей, содействовал всячески лицам, опиывавшим эту их жизнь, и т. д.

Все эти хлопоты и волнения отвлекали его от издательской деятельности, которая, под его руководством, шла все-таки при содействии его друзей. Но цензурный условия заставляют его уйти от созданного им дела, и в 1895 году он оставляет эту деятельность, совершенно поглощенный новым движением среди духоборов.

После разорения и расселения духоборов по пустынным гористым местам Кавказа, где их ждала гибель, Чертков стал широко распространять в обществе и среди высших правительственных лиц составленное им, совместно с друзьями, воззвание «Помогите!» Около того же времени он написал свою статью «Напрасная жестокость», посредством которой он надеялся повлиять на высшие правительственные сферы в смысле облегчения участи как духоборов, так и вообще всех, отказывающихся от исполнения воинской повинности по религиозным убеждениям. Эту записку свою Чертков доставил покойному государю Александру III, которому она была прочтена. На государя записка произвела благоприятное впечатление, следствием чего была замена заключения в дисциплинарные батальоны ссылкой в Якутскую область на определенный срок. Но с наступлением русско-японской войны мера эта была снова отменена. Никто до сих пор еще не подумал ее восстановить, и люди, продолжающее отказываться от отбывания воинской повинности по религиозным убеждениям, снова предоставлены «напрасной жестокости» дисциплинарных батальонов и одиночного тюремного заключения.

Л. Н. Толстой не только следил с живейшим интересом за деятельностью своего друга, но эта деятельность еще теснее сближала его с ним, так как интересы их в этом отношении совершенно совпадали. Оба делали одно и то же дело.

Однако деятельности Черткова в этом направлении был

положен предел. После обыска, во время которого у него был отобран дальнейший материал по сектантскому движению, он был выслан в 1897 г. за границу на неопределенный срок.

IV.

С этих пор Чертков переселяется в Англию и почти в течение 10 лет посвящает себя деятельности распространения писаний Л. Н. Толстого. В первые два года жизни за границей от этой деятельности его сначала отвлекали хлопоты по устройству переселения духоборов за границу. Черткову удалось заинтересовать английских квакеров в судьбе единомышленных им русских духоборов (и те и другие не признавали возможным, по религиозным убеждениям, служить в войсках), и квакеры собрали достаточные средства для того, чтобы перевезти часть духоборов сначала на остров Кипр, а когда поселение там было признано неудобным, то вошли в соглашение с канадским правительством и перевезли их в Канаду.

И здесь снова приходится подчеркнуть, что около 7.000 томившихся по ссылкам людей, благодаря железной энергии, настойчивости и любви к ним Черткова, были, наконец, поселены в Канаде и теперь составляют там одну из богатых колоний, почти ни в чем не стесняемые канадским правительством. Л. Н. старается всячески помочь Черткову в его деятельности или, вернее, в их общей деятельности, пишет ста-

ты, предисловии к разным изданиям Черткова, доставляет ему материалы о сектантском движении в России и, наконец, кончив свой роман «Воскресение», продает право первого пользования его Марксу в «Ниве» и вырученные деньги отдает Черткову на помощь духоборам.

Будучи еще в России, Чертков тщательно собирал все писания Л. Н., и так как эти писания, по тогдашним цензурным условиям, немислимо было издавать в России, он обдумывал план издания их за границей. Еще до переселения за границу Черткова некоторые из запрещенных в России произведений Л. Н. были изданы в Женеве у Эльпидина, но издания эти были, к сожалению, с большими ошибками. Поселившись около Лондона в деревне, Чертков устраивает русскую типографию и приступает к тщательному изданию сочинений Л. Н.

К этому времени выяснилось и другое обстоятельство, которое было крайне тяжело для людей, любивших Л. Н. Сочинения его последнего периода часто подхватывались людьми, желавшими первыми перевести их на иностранные языки. Люди эти, торопясь сделать перевод, делали его крайне несовершенно, часто совершенно искажали смысл писаний Л. Н. и передавали произведения его иностранцам в превратном виде. Чертков, с присущей ему энергией и настойчивостью, берется за то, чтобы наладить и это дело. Он условливается с Л. Н., чтобы тот не обнародовал своих произведений до тех пор, пока они не появятся в переводах

на главные европейские языки, избирает вполне надежных переводчиков и издателей и с тех пор каждое написанное Л. Н. произведение стало появляться одновременно на русском языке в типографии Черткова, в Англии, и на главных европейских языках во всех странах.

Произведения Л. Н. с этого времени являются доступными для всех и на всех новых европейских языках. На всех своих изданиях Чертков ставил надпись, что за книгой не сохранено авторских прав.

С 1897 г. Чертков начинает за границей издание повременных органов «Свободное Слово» и «Листки Свободного Слова». В своих повременных изданиях Чертков преследует три задачи: дает писания Л. Н. Толстого последнего периода, и сведения как о деятельности Толстого, так и единомышленных с ним людей. Посвящает отдел сектантскому движению и преследованиям сектантов.

Вместе с тем Чертков организует в Англии дешевые издания произведений Л. Н. Толстого на английском языке. Эти издания находят огромное распространение среди английских рабочих и вообще бедного люда, и взгляды Л. Н. Толстого находят более широкое распространение в Англии и Америке, чем у нас в России. Кроме того, Чертков время от времени выступает на общественных собраниях англичан с изложением взглядов Толстого и вскоре уже пользуется широкой известностью, доброжелательством и авторитетом у англичан, как друг Толстого.

На ряду с поврежденными изданиями, Чертков выпускает целый ряд книг: издает записки австрийского военного врача Шкарвана, отказавшегося от военной службы, прекрасную биографию Дрожжина, умершего в воронежском дисциплинарном батальоне, не говоря о том, что постепенно из года в год публикует запрещенные в России большие сочинения Л. Н.

Нечего и говорить о том, как ценил Л. Н. такую деятельность Черткова.

В виду того, что много мыслей и ценных рассуждений по разным вопросам Л. Н. высказывал в своей обширной переписке с разными лицами, а письма эти было бы крайне трудно собрать впоследствии, Чертков организовал, совместно с Л. Н., возможность передачи в его архив копий всех писем Л. Н., а также доставку ему копий дневников и записок Л. Н. Так что с отъездом за границу у Черткова, при постоянном содействии Л. Н., образуется единственный полный архив всего написанного Львом Николаевичем. К этому архиву приходится обращаться всем за верными списками писаний Л. Н.

V.

После того как явилась возможность возвратиться в Россию, Чертков, для удобства сообщения с Л. Н., покупает в трех верстах от Ясной Поляны несколько десятин земли

и поселяется тут. Л. Н. был занят в это время своей капитальной работой над «Кругом чтения». Трудно представить себе, какого гигантского труда стоила эта работа. И в этом случае Чертков оказал Л. Н. незаменимые услуги. Благодаря имевшемуся у него огромному архиву писаний Л. Н., Чертков группировал мысли Л. Н. по разным вопросам и чрезвычайно облегчал этим труд Л. Н.

Но недолго пришлось Черткову жить в сообществе с Л. Н. Чертков был, как известно, выслан из пределов Тульской губернии, «в виду вредного влияния на окружающее население». Чертков поселился в Московской губернии и с тех пор виделся с Л. Н. или у себя, или же в имении дочери Толстого Т. Л. Сухотиной, на границе Орловской губернии.

Л. Н. в последние годы все чаще и чаще возвращался к вопросу, мучившему его всю жизнь, о том, чтобы сделать свои писания достоянием всех людей. Он советовался со многими о том, как это сделать, и, наконец, остановился на мысли о завещании. Напрасно думают о том, что Л. Н. держал этот вопрос в строгой тайне. Намерения его были известны некоторым друзьям и детям. Правда только, то, что Л. Н. не делал этого вопроса гласным в своем семейном кругу. Правда и то, что Л. Н. мучил иногда вопрос о том, что он сделал завещание тайным от семьи, как бы оберегая этим свой покой. Но когда он обсудил этот вопрос и понял, что делать тайну необходимо было не для его спокойствия, а для спокойствия той, в пользу которой было сделано завещание, он уж

больше не возвращался к этому вопросу. Любопытно отметить здесь одну особенность. Первоначально Л. Н. предполагал сделать общим достоянием свои сочинения, написанные только после 1881 г. В этом смысле он писал и говорил Черткову. Совершенно независимо, и к удивлению Черткова и друзей, он сделал завещание в еще более радикальном смысле.

VI.

Дружба Л. Н. и Черткова была дружбой двух людей, стремившихся к одному идеалу, чутко прислушивавшихся один к другому, глубоко уважавших духовную работу другого и, разумеется, в виду этого, не считавших возможным вмешиваться в жизнь и поступки один другого. Это так понятно. Дико говорить о том, чтобы Чертков мог вмешиваться и влиять на жизнь Толстого; это было бы не только умалением величия памяти Толстого, но и совершенно базарным, грубым отношением к 30-летней дружбе этих двух людей, молитвенно стремившихся к Богу.

Приведу здесь выдержки из письма Черткова к Досеву за девять дней до ухода Л. Н. из Ясной Поляны. Досев писал Черткову, что ему непонятно, как Л. Н. продолжает оставаться жить в мучительных для него и во всех отношениях неблагоприятных условиях жизни Ясной Поляны. Что такая жизнь «затушевывает в глазах людей все значение и смысл

его слов и мыслей...»

Таких писем и Л. Н. получал очень много.

К сожалению, я не могу принести здесь целиком всего ответа Черткова, но вот некоторые выдержки из этого письма:

«Если он (Л. Н. Толстой) до сих пор еще этого не сделал (т. е. не ушел из Ясной Поляны), то... поверь мне, – единственно потому, что он недостаточно еще уверен в том, что ему, действительно, *следует* уйти, что воля Божия в том, чтобы он ушел. Ему лично настолько было бы приятнее, покойнее и во всех отношениях удобнее, если бы он ушел, что он боится поступить эгоистично, сделать то, что ему самому легче, и отказаться, из малодушия, от несения того испытания, которое ему назначено.

Очевидно, что если он не делает этого, то никак не из слабости или малодушия, не из эгоизма, а, напротив того, из чувства долга, из жертвы своими предпочтениями, своим личным счастьем, ради исполнения того, что он для себя считает высшей волей.

В июле 1908 года Л. Н. переживал один из тех мучительных душевных кризисов, которые у него почти всегда оканчивались серьезной болезнью. Так было и в этот раз: он тотчас после этого заболел и некоторое время находился почти при смерти.

Приведу несколько выдержек из его дневника, записанных им в дни, предшествовавшие болезни:

– Если бы я слышал про себя со стороны, – про челове-

ка, живущего в роскоши, отбивающего все, что может, у крестьян, сажающего их в острог и исповедующего и проповедующего христианство, и дающего пяточки, и для всех своих гнусных дел прячущегося за милой женой, – я бы не усомнился назвать его мерзавцем! А это-то самое и нужно мне, чтобы мне освободиться от славы людской и жить для души...

– ...Все так же мучительно. Жизнь здесь, в Ясной Поляне, вполне отравлена. Куда ни выйду, – стыд и страдание...

– ...Одно все мучительнее и мучительнее: неправда безумной роскоши среди недолжной нищеты, нужды, среди которой я живу. Все делается хуже и хуже, тяжелее и тяжелее. Не могу забыть, не видеть...

– ...Приходили в голову сомнения, хорошо ли я делаю, что молчу, и даже не лучше ли было бы мне уйти, скрыться... Не делаю этого преимущественно потому, что это *для себя*, для того, чтобы избавиться от отравленной со всех сторон жизни. А я верю, что это-то перенесение этой жизни и нужно мне...

– ...Я не могу далее переносить этого, не могу и должен освободиться от этого мучительного положения. Нельзя так жить. Я, по крайней мере, не могу так жить, не могу и не буду...

– ...Помоги мне, Господи. Опять хочется уйти. И не решаюсь. Но и не отказываюсь. Главное: для себя ли я сделаю, если уйду? То, что я не для себя делаю, оставаясь, это я

знаю»...

«Мы можем предположить, что на месте Л. Н. мы поступили бы иначе, хотя нам трудно сказать, сделали ли бы мы, поступая иначе, лучше или хуже, чем он. Мы можем не понимать всего, что творится в его душе, а потому можем недоумевать перед некоторыми его поступками. Но я, по крайней мере, не могу не относиться с величайшим уважением к тем чистым, самоотверженным побуждениям, которые им руководят; не могу не чувствовать к нему полного доверия в том смысле, что если человек, жертвуя всеми своими личными потребностями и удовольствиями и несмотря ни на какие свои страдания и лишения, неуклонно старается исполнять требования своей совести, то он делает все, что можно ожидать от человеческого существа, и никто не имеет ни права его осуждать, ни надобности беспокоиться за него.

И как бы Л. Н. дальше ни поступил, – останется ли он до конца в теперешних условиях, или же найдет когда-нибудь нужным выйти из них, – я уверен в одном: что в этом деле он поступит только так, как велит ему совесть, – а потому поступит правильно».

Это письмо было написано за полторы недели до ухода Л. Н. из Ясной Поляны. Письмо это было известно Л. Н., и тот так отозвался о нем в письме к Черткову: «Письмо ваше Досеву, кроме всего другого, мне было и есть очень полезно, уясняя и прошедшее и настоящее».

...«Дорого мне то духовное общение с вами, с той луч-

шей маленькой частью меня, которую вы одну видите и которая получает несвойственное ей значение без знания всей остальной, большой, гадкой части меня. Спасибо и за то, что вы признаете существование ее. Такое знание и прощение дороже всего для твердого дружеского общения».

И каким утешением, какой поддержкой для Л. Н. был в последний период жизни Чертков, можно видеть из следующих отрывков из писем Л. Н. к Черткову, написанных в октябре 1910 г.:

...«Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью – до грусти, – как мне недостает вас. Есть целая область мыслей, чувств, которыми я ни с кем иным не могу так естественно (делиться), зная, что я вполне понят, как с вами... Саша сказала вам про мой план, который иногда, в слабые минуты, обдумываю (Речь идет об уходе из Ясной Поляны). Сделайте, чтобы слова Саши об этом и мое теперь о них упоминание было бы *comme поп avenue*... Если что-нибудь предприму, то, разумеется, извещу вас. Даже, может быть, потребую от вас помощи».

...«А вы также открывайте мне свою душу. Не хочу говорить вам: прощайте, потому что знаю, что вы не хотите даже видеть того, за что бы надо было меня прощать, а говорю всегда одно, что чувствую благодарность за вашу любовь»...

Наконец 2 ноября, когда Л. Н. лежал больной в Астапове, он попросил телеграммой вызвать к себе Черткова, и хотя обстоятельства складывались так, что Л. Н. не мог видаться

с своим другом в последнее время в Ясной Поляне, он про-
вел с ним последние дни своей жизни.